

Особый «слой» первой петербургской толпы составляли строительные рабочие. Среди них явно выделялись группы пригнанных по разнарядке на временные работы и те, кого в документах называли «мастеровые люди вечного житья». Не нужно думать, что они были бессмертными (документы того времени сохранили такую забавную «классификацию»: «мастеровые люди вечного и невечного житья»¹⁵). «Мастеровыми вечного житья» называли переселенных насильно плотников, кузнецов, столяров, слесарей, каменщиков, а также оружейников и прочих ремесленников, которых из Петербурга уже не отпускали. В указе 1710 г., которым было впервые предписано переселить в Петербург 2500 мастеровых «вечного житья», сказано, что они посылаются «с женами и детьми», не «с переменю», то есть не на время, а пожизненно. На каждую профессию по губерниям была «спущена разнарядка», в Петербург полагалось отправляться в указанное время, без опозданий. Местные власти отчитывались за каждого высланного переселенца.¹⁷

Это массовое переселение в Петербург «на вечное житье» не было ни первым, ни последним в петровское время. Вообще такие переселения Россия знала со времен Ивана III, когда репрессии под видом «перебора людишек» приводили к насильственному вывозу жителей Новгорода и Пскова. А опричнина Ивана Грозного стала вообще одним огромным переселением жителей страны, предпринятым с политическими целями. Кажется, что самодержавная власть регулярно и равномерно перемешивала человеческую «массу», чтобы не дать подданным царя почувствовать себя людьми на родине своих предков, а потом не дать им навечно «прирасти» к новому месту. Петр, ставя другие цели, шел проторенным путем своих царственных предков. Недаром на триумфальной арке в Петербурге в 1721 г. был изображен справа Иван Грозный с девизом «Insepit» («Начал»), а слева Петр I с девизом «Perfecit» («Усовершенствовал»¹⁸).

В Петербург мастеровых переселяли постоянно: в них остро нуждались как при городском строительстве, так и особенно на работах в Адмиралтействе. Сразу заметим, что партии переселенцев, как писали чиновники,

¹⁵ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 44. Л. 1418.

¹⁶ Там же. Д. 37а. Л. 93.

¹⁷ Семенова Л. Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в. Л., 1974. С. 37.

¹⁸ Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера. М., 1903. Ч. 2. С. 60.



Столяры. С русской гравюры

«зело тупо... приходят» — кому же хотелось сниматься с насиженного места и ехать в петровский «парадиз»? Так, из 1136 человек, которые должны были прибыть к 1 сентября 1711 г. в Петербург, бежали 130 человек. Всех беглецов следовало немедленно разыскать и вернуть в Петербург или же срочно заменить другими мастеровыми и «тож число послать из тех губерней немедленно ж».

Тогда же началась борьба центральных властей с попытками посадских общин (а именно из городов была взята основная часть мастеровых и ремесленников) отправлять в Петербург больных, старых, «увечных» мастеровых — словом, всех, кто был «к делу негоден» и кого местные власти под шумок хотели спровадить из посада. Согласно сенатским указам, перед отправкой губернаторам предписывалось мастеровых

«пересматривать самим, чтоб те мастеровые люди и плотники были заобычные и не дряхлые, и не увечные, а негодных и не умеющих мастерств и дряхлых, и увечных отнюдь не высылать». Если таких выявляли в Петербурге, то их освидетельствовали врачи, и если оказывалось, что «у дел им не быть и вылечить их невозможно», отправляли домой с повелением «вместо их тож число каменщиков потом ж из тех губерний выслать без мотчания».¹⁹ Более того, по указу А. М. Черкасского в 1714 г. было предписано, «проведывая тайно о лучших мастеровых людях из всяких чинов людей не обходя никого, чей бы кто ни был, набрать мастеровых людей к высылке в Санкт-Петербурх».²⁰ Сколько еще привезли мастеровых потом, мы не знаем, но в 1723 г. из 2,5 тысячи мастеровых «вечного житья» первого «призыва» оставалось 1028, то есть меньше половины.²¹

Власти заранее определяли места будущего поселения мастеров в Петербурге, а чаще в его окрестностях. Слово «переведенец», близкое к «высланному» советского времени, стало одним из самых распространенных в Петербурге при Петре (близость этих понятий очевидна из текстов

¹⁹ ДПС. Т. 1. С. 104, 395—396.

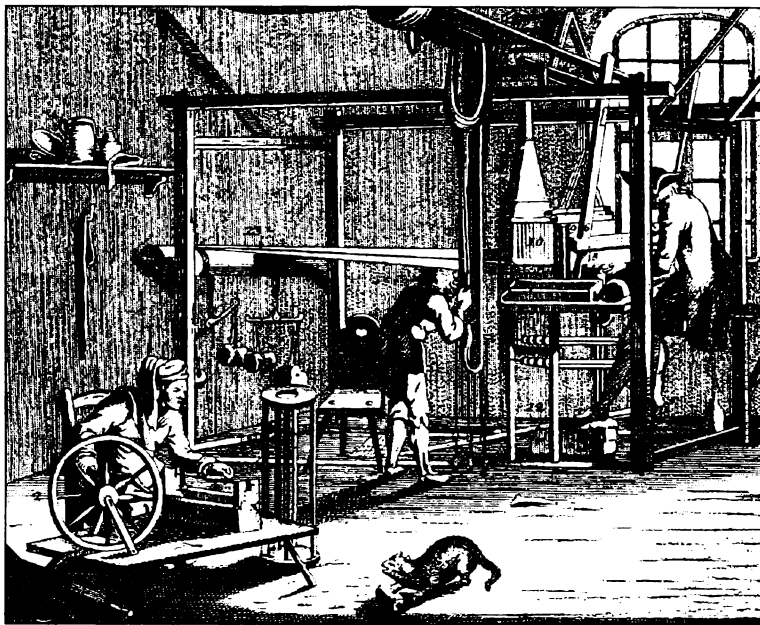
²⁰ Семенова Л. Н. Рабочие Петербурга... С. 38.

²¹ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 37а. Л. 235 об.

²² Там же. Д. 265. Л. 562.

тех времен: «Мастеровых людей, **высланных** на вечное житье...»).²³ С 1712 г. в Московской части, а с 1721 г. на Охте образовались целые густонаселенные переведенческие слободы, где можно было услышать говор самых разных уездов обширной России. Селили переведенцев и в окрестностях города — там, где были каменоломни (на Путиловщине, на Лаве), кожевенное и пильное дело (на реке Назе) и в других местах.²³

Переведенцам на месте выдавали муку и деньги.²⁴ Из позднейших документов мы узнаем, что это жалованье не было постоянным, и в зимнее время («для нынешних зимних малых дней... с ноября по апрель», когда короткий световой день не позволял работать столько же времени, как летом) мастеровые получали жалованье «вполы» и даже еще меньше.²⁵



Ткацкая мастерская. С русской гравюры

Из просмотренного мною именного списка почти тысячи «мастеровых людей вечного житья» 1723 г. следует, что среди них были люди самых различных профессий. Больше всего было каменщиков и кирпичников (455 чел.), меньше «штукотуров», «каменоломщиков», кузнецов, столяров, «рещиков на дереве» и «рещиков на камне», плотников, пиловщиков, гончаров, токарей. По два-три человека было «оконничников», «жи-

²³ Там же. Оп. 1. Д. 5г. Л. 959.

²⁴ ДПС. Т. 1. С. 216, 395.

²⁵ РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 7. Л. 4; Оп. 2. Д. 416. Л. 647.

вописцев» (маляров), портных, литейщиков «медного дела», прядильщиков, мастеров «замшевого лосинового дела». Плотинных и пильных мастеров было вообще по одному человеку.

Всех мастеровых делили на «умеющих» и «малоумеющих», женатых и холостых. Лучше всего (в смысле жалованья) было быть умеющим и женатым, хотя быть умеющим и неженатым тоже было неплохо. Самыми высокооплачиваемыми были каменщики, кирпичники, столяры, резчики, они зарабатывали по 30—40 алтын (90 коп.—1,2 руб.) «на день за вычетом воскресных дней», меньше всего получали «малоумеющие» разных профессий — от 20 алтын (60 коп.) до 8 денег (4 коп.).²⁶ Жизнь мастеровых «вечного житья» в Петербурге была трудна. Это отразилось в фольклоре, в знаменитом лубке «Мыши кота погребают». Среди мышей, покалеченных котом (который своими замечательными усами весьма напоминает Петра Великого), идет «мышь, охтенская переведенка, несет раненного котом своего ребенка».

Мастеровые жили в Петербурге как в ссылке, они не могли съездить домой к родственникам даже на время, не говоря уже о возвращении к родному очагу. Каждого пойманного беглого мастерового за побег сурово наказывали: били плетью или кнутом с назидательным приговором «при других ево братьях мастеровых людех, чтоб и другим оного чинить было неповадно».²⁷ В 1722 г. несколько каменщиков писали в своей челобитной, что с 1711 г. «в своих домах не бывали и с свойственники не виделись». Они просили отпустить их на время «для свидания с свойственники и для забрания пожитков». На этот раз челобитчиков отпустили, но лишь тогда, когда оставшиеся в Петербурге их товарищи дали поручные записи, то есть гарантировали, что челобитчики непременно вернуться назад. На этом бюрократическая процедура не кончилась: сами просители тоже подписали обязательства «по отпуску стать по-прежнему в Санктпитебурхе к тем своим срокам, до которых отпущены будут».²⁸ Заметим, что речь идет не о солдатах, ссыльных крепостных или даже дворцовых крестьянах, а о лично свободных посадских. Впрочем, они, как и все от «князь-кесаря» Федора Ромодановского до последнего дворового, были «холопы государевы». В 1721 г. власти решили все-таки не задерживать насильно вдов мастеров «вечного житья». Им разрешили съезжать с детьми не старше трех лет «на прежние свои места... отколь они высланы». Разрешение, как видим, ограниченное — дети старше трех лет признавались уже людьми «вечного житья».²⁹ Меньше мы знаем о переселяемых крестьянах. Но точно известно, что деревни вокруг Сарского Села — владения Екатерины Алексеевны — заселяли дворцовыми переведенцами из-под Москвы.³⁰

²⁶ Там же. Д. 37а. Л. 170—173.

²⁷ Там же. Д. 266. Л. 381.

²⁸ Там же. Л. 369.

²⁹ Там же. Д. 266. Л. 562.

³⁰ Вильчковский С. Н. Царское Село. СПб., 1992. С. 15.

С 1718 г. партии работных из губерний уже не приходили в Петербург, развивалась подрядная система. Она стала возможной только благодаря притоку вольнонаемных рабочих. А их становилось все больше и больше — люди хотели заработать деньги на уплату государевых податей, помещичьих оброков. Вольные рабочие были на стройках, в лавках, даже в царских дворцах полы мыли «из переведенских вольных баб восемь добрых», которым полагалось жалованье и сукно на платье.³¹ Контингент вольных образовывался за счет двух источников. С одной стороны, в городе оставались те, кого по разнарядке приводили из губерний. На это уже обратил внимание заезжий иностранец, писавший в 1717—1718 гг., что «очень большое число работных людей из татар, русских, калмыков, после того как отработали положенное время на Е. ц. в., не захотели отправляться в дальний путь домой, а получили достаточно работы за деньги у многих господ, которые все время строили все больше и больше домов и, следовательно, имели свою выгоду; несколько тысяч из них тут же обосновались и построили себе дома, тем более, что им разрешалось занять для этого любое место».³² С другой стороны, город начал притягивать к себе свободные рабочие руки, ведь сельскохозяйственные работы были сезонными, а острая потребность в деньгах — постоянной. Введение в 1724 г. системы паспортов, выдаваемых отходникам, снимало с таких крестьян подозрение в том, что они беглые.

Надо заметить, что и крепостных в Петербурге становилось все больше. Когда стало ясно, что Петербург — это не временная, вроде Прешбурга, прихоть царя, многие дворяне, вслед за дворцовым ведомством, начали перевозить своих «крестьянишек» поближе к Петербургу — в Ингерманландию, в Псковский и Новгородский уезды. В эти годы заметно уменьшился на северо-западе России клин черносошных и дворцовых земель, которые стали жаловать помещикам-переселенцам. Это резко изменило демографическую ситуацию на северо-западе. Если в губерниях центра за 1719—1762 гг. численность населения выросла на 5,1%, то на северо-западе прирост составил 41%! то есть в восемь раз больше, чем в наиболее населенной части страны. Все это стало следствием механического увеличения населения, точнее — насильственных переселений. Поэтому кроме солдата, чиновника, переведенца с Охты характерной фигурой на улицах Петербурга стал холоп, дворовый. Крепостные обслуживали нужды господ, и число их росло постоянно. По выборочным подсчетам Л. Н. Семеновой, из 8778 горожан мужского пола, учтенных в 1737 г. по нескольким сотням (районам) Адмиралтейского острова и Московской стороны, крепостных было 2634 человека, то есть почти треть!³³ Тут можно было увидеть и помещичьего крестьянина, приехавшего по делам или с оброком для господина, который служил в армии или на флоте.

³¹ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 6а. Л. 87.

³² «Описание... столичного города С.-Петербурга» // Белые ночи. Л., 1975. С. 204.

³³ Семенова Л. Н. Рабочие Петербурга... С. 27—29.

Уже в петровское время были заложены основы специализации припущих рабочих: ярославцы и костромичи были в Питере каменщиками, новгородцы плотничали и занимались извозом. Так что сцена, запечатленная гораздо позже на рисунке Н. А. Синявского «Молодая крестьянка, вырывающаяся из рук красивого ярославца» могла произойти и в петровское время.³⁴

Постепенно условия жизни в молодой столице улучшались: появилась городская инфраструктура, наладился подвоз провианта, развивалась торговля, вообще, люди как-то приспособились к жизни. Наконец, если бы к этому времени Петербург оставался адом на земле, то вряд ли бы десятки тысяч подрядных рабочих добровольно отправлялись на его стройки и так ломались в канцелярии, чтобы заполучить подряд, что приходилось устраивать торги. То же можно сказать о завербованных переселенцах. В 1724 г. специально построенные для «вольных плотников» с семьями избы были полностью заселены добровольцами, да с ними приехали в Петербург семьи их братьев и детей. А плотников в строящемся городе и на верфях требовалось много. Адмиралтейство все время нуждалось в них и требовало их присылки из разных губерний, охотно принимало и вольных плотников. По данным Кирилова, в 1727 г. в Адмиралтействе было 4672 человека разных профессий, в том числе 1573 плотника, а в Кроштадте при адмиралтейских делах числилось 1140 мастеровых и служащих, из которых было 573 плотника.³⁵